

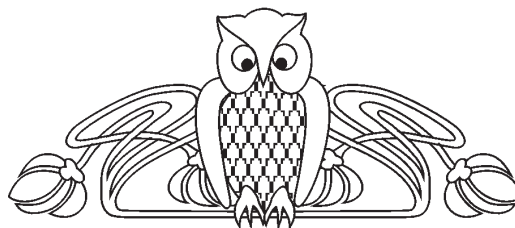

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 13–22
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 13–22
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

Научная статья
УДК 316.022

Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов

А. М. Бекарев, Е. Е. Кутявина , Г. С. Пак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Бекарев Адриан Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, adrian.bekarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798>

Кутявина Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, kutyavina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8157-7132>

Пак Галина Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, galinapak5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371>

Аннотация. Актуальное изучение этнической идентичности обусловлено предшествующим социально-политическим контекстом. На Западе внимание к этнической идентичности является маркером постколониальных исследований, в то время как в отечественной литературе – отходом от формирования новой исторической общности «советский народ». Соответственно, различаются и когнитивные цели изучения этнической идентичности – от манипулирования этническими идентичностями, ведущими к расколу ранее единого общества, до выявления факторов, способствующих сохранению культуры этнического меньшинства. Определение содержания этнической идентичности как состоящее из когнитивных, познавательных и поведенческих компонентов дает возможность использования понятий «этническая идентичность» и «этничность» в качестве синонимов. В социологическом исследовании этнической идентичности коренных малых народов использован инструменталистский подход, сочетающий идеи примордалистских и конструктивистских концепций. Выдвинутая гипотеза исследования об угрозе этнической идентичности малых народов со стороны процессов глобализации подтвердилась, но потребовала уточнений. Влияние глобализации на этническую идентичность является опосредованным, буфером между ними выступает доминирующая национальная культура.

Ключевые слова: этническая идентичность, структура этничности, инструментализм, примордализм, конструктивизм, малые народы, большое общество

Для цитирования: Бекарев А. М., Кутявина Е. Е., Пак Г. С. Этническая идентичность в теории и цифрах: на примере коренных малочисленных северных народов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 13–22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North

А. М. Bekarev, Е. Е. Kutyavina , G. S. Pak

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Adrian M. Bekarev, adrian.bekarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9766-0798>

Elena E. Kutyavina, kutyavina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8157-7132>

Galina S. Pak, galinapak5@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-4371>

Abstract. The actual study of ethnic identity is conditioned by the previous socio-political context. In the West, attention to ethnic identity is a marker of post-colonial studies, while in Russia it is a departure from the formation of a new historical community "Soviet people". Accordingly, the cognitive goals of studying ethnic identity also differ from the manipulation of ethnic identities, leading to the split in a previously unified society, to identifying factors that contribute to the preservation of ethnic minority cultures. Defining the content of ethnic identity as consisting of cognitive and behavioral components makes it possible to use the concepts of "ethnic identity" and "ethnicity" as synonyms. The instrumentalist approach combining the ideas of primordial and constructivist concepts was used in a concrete sociological study of the

ethnic identity of the aboriginal people. The hypothesis put forward by the study about the threat to the ethnic identity of the minorities from the processes of globalization was confirmed, but required clarification. The influence of globalization on ethnic identity is indirect; the dominant national culture acts as a buffer between them.

Keywords: ethnic identity, ethnicity structure, instrumentalism, primordialism, constructivism, small nations, large society

For citation: Bekarev A. M., Kutyavina E. E., Pak G. S. Ethnic identity in theory and figures: On the example of the aboriginal minorities of the North. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 13–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-1-13-22>, EDN: IWJPCV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На исследование этнической идентичности заметное влияние оказывает социально-политический контекст. Пристальное внимание к феномену этничности на Западе является маркером постколониальных исследований во второй половине XX в. [1, с. 29]. Если исследование этнической идентичности европейских ученых обусловлено крахом колониализма, то в нашей стране – отходом от формирования новой исторической общности «советский народ». Применение идей западных теоретиков к анализу российской действительности требует особой осторожности.

В третьем тысячелетии актуальность исследования этничности обусловлена усиливающимися процессами глобализации. Глобализация есть конкретно-исторический процесс взаимодействия культур и народов. Ульф Ганнерс выделяет четыре основных сценария будущего культур: «глобальная гомогенизация» как полное доминирование западной культуры; «периферийная коррупция» как упадок и разложение культуры в процессе адаптации; «сатурация» как медленное насыщение культуры образцами центра, когда становление культурной однородности растягивается на несколько поколений; последний сценарий «созревания» как равный диалог и обмен культур, их взаимообогащение в результате взаимодействия [2]. Устойчивость единого обусловлено не однообразием, а различием, только такое единое способно к развитию и имеет будущее. Это положение применимо ко всему живому, в том числе к культуре. Сохранение жизни на Земле возможно лишь в условиях биоразнообразия. Аналогично будущее культуры зависит от бережного отношения ко всем культурам, но прежде всего это относится к культурам малых народов.

Современная реальность утрачивает свои твердые очертания и становится «текучей», «разжиженной», как окрестил ее З. Бауман. В этих условиях становится сложным для отдельного индивида обретение устойчивой идентичности [3, с. 182]. Обращение к этнической идентичности есть адекватный ответ на поиск устойчивого и неизменного в этом нестабиль-

ном мире. Как ориентацию на прошлое в рамках концепта «Я образ» рассматривает этническую идентичность американский антрополог Джордж Де Вос [4]. Этничность есть прошлое каждого из нас. Человек без прошлого либо больной, либо преступник, скрывающий свое неприглядное прошлое. Как писал В. Соловьев, «только путник, взваливший на себя всю тяжесть прошлого, способен идти вперед» [5, с. 619–621].

В этничности заложен огромный потенциал, способный как сплотить, так и разобщить население целых страны. В цветных революциях, получивших сегодня широкое распространение в мире, беззащитно используется разрушительный потенциал этничности [6]. Какая тенденция – к интеграции или разобщению – возобладает, зависит от взвешенной социальной политики государства.

Стратегия государственной национальной политики России, утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 на период до 2025 г. включает в числе приоритетных направлений следующие: «а) укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); б) сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации; г) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве; е) соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7].

Актуальность изучения этнической идентичности, ее «взрывоопасный характер» требуют особой корректности в исследовании. Трудности возникают уже на пути определения ее дисциплинарного статуса. Ряд исследователей считают, что этническая идентичность является психологической категорией и необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности как социологической категории, определяющей этническую принадлежность по ряду объективных признаков: этнической при-

надлежности родителей, месту рождения, языку, культуре [8, с. 78]. С нашей точки зрения, этническая идентичность как разновидность социальной идентичности представляет собой вариант, характеризующий взаимодействие личности и общества, является предметом исследования социальной философии, социологии, а не только психологии и антропологии, и получила широкое распространение в политических науках, прежде всего на Западе. Тем самым утверждается междисциплинарный статус понятия идентичности, детерминация которой носит объективно-субъективный характер. Поэтому этническая идентичность не сводится исключительно к переживанию своего тождества с одной этнической общностью, отделяющей ее от других [9]. Этническая идентичность является сложным образованием и включает когнитивный аспект как знание и осознание своей тождественности с этнической группой, эмоциональный аспект, представленный разделяемыми этническими чувствами [10].

В исследованиях этнической идентичности дискуссионным является момент о необходимости включения в нее поведенческого механизма. Построение системы отношений и реализация действий в различных ситуациях, возникающих в результате этнокультурной коммуникации, по мнению некоторых исследователей, является значимым элементом идентичности [11]. Другие авторы видят в этом излишнее расширение понятия этнической идентичности [8]. Применительно к теме нашего исследования проблема приобретает вид дилеммы: относить или не относить к этнической идентичности ее объективированные формы, например, в виде ритуалов и обычаев. Э. Дюркгейм, изучавший место и значение ритуальных действий и обычаев в процессе социализации, выделял в качестве их основных функций интегрирующую и воспроизводящую. Интеграция способствует социальной солидарности, которая выступает у него высшей ценностью. Воспроизводящая функция направлена на сохранение традиций, норм и ценностей [12]. Поскольку обычаи и ритуалы способствуют сплочению этнической группы и укреплению ее этнического самосознания, важно включать поведенческие аспекты в структуру этнической идентичности.

Оппозиционалистский подход рассматривает этническую идентичность как феномен, возникающий и проявляющий себя в процессе взаимодействия и способный расти или ослабевать в ответ на внешние условия. Этническая идентичность трактуется как защитный

механизм, который формируется в результате подавления культурных различий [13]. Такого смыслового поля, в котором существует идентичность в зарубежной литературе. Такой подход во многом явился результатом манипулирования этничностями через противопоставление их культуре метрополии. Конкретный социально-политический контекст определяет формы проявления идентичности, но не отменяет общего понимания этничности как феномена интеракции «большого» и «малого» обществ, проявляющегося в установлении границ между «мы» и «они». С. Лурье выявила «двойное дно этничности», а именно различие между этнической культурой для «внешнего» и «внутреннего» пользования. Из этого следует существование двойных этнических границ, определяемых либо изнутри группы, либо внешним наблюдателем. Внешние границы есть результат межэтнического взаимодействия, а внутренние определяются неким культурным кодом, которым обладают только члены группы. Отсюда механизм взаимодействия членов группы может быть абсолютно непонятным для человека, находящегося вне ее [14].

Существуют три основных подхода к пониманию природы этнической идентичности. Примордиалистский подход определяет этничность как неотъемлемое свойство личности, связанное с культурным или биологическим происхождением. П. ван ден Берге рассматривал этнос как расширенную форму родственных отношений. Он считал, что предпочтение собственной этнической группы является биологически обусловленным свойством людей, способствующим выживанию и трансляции своих генов следующему поколению [13]. Есть культурологические разновидности примордиализма, в которых основой идентичности считается не кровное родство, а происхождение, условия ранней социализации, общая история, язык и культура. К отечественным представителям примордиалистского подхода относят Ю. В. Бромлея [15, с. 11], Л. Н. Гумилева. Гумилев утверждал, что люди объединяются по принципу комплиментарности как неосознанной симпатии к одним и антипатии к другим [16, с. 61–62]. Бромлей в качестве характерных признаков этноса выделял общность территории проживания, общее историческое прошлое, не артикулируя внимания на кровное родство, но подчеркивая значимость единства языка, культуры, особенностей психики.

Альтернативой примордиалистскому подходу является конструктивизм, сформировав-

шийся в работах западных исследователей, посвященных трансформации этнической идентичности в постколониальном пространстве. Этническая группа рассматривается в них как социальный конструкт и может представлять сообщество лишь в воображении. В качестве представителей этого подхода обозначим Э. Глазерсфельда [17] и В. А. Тишкова [18].

Инструментализм является третьим подходом, сочетающим элементы и примордиалистского, и конструктивистского подходов. Инструментализм характеризуется функционализмом и утилитаризмом. Он может принимать различные формы в зависимости от социально-культурного и политического контекста. Свою позицию определяем как инструменталистскую, позволяющую учитывать объективные и субъективные основания этнической идентичности. Этническая идентичность является результатом межкультурного взаимодействия и представляет собой единство «первородных», «предписываемых» и создаваемых, конструируемых характеристик. При таком подходе становится возможным употребление понятий «этничность» и «этническая идентичность» как синонимов в ситуациях, не требующих их скурпулезного различия.

Обозначим нашу цель как исследование этнической идентичности и выявление *социальных факторов* ее устойчивости у коренных малых народов Севера, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе.

Гипотеза состоит в предположении, что большую угрозу для сохранения этнической идентичности представляют процессы глобализации, а не влияние со стороны «большого общества» (людей русской национальности).

В нашем исследовании термин «коренные народы» обозначает группу, представляющую собой меньшинство в социальном и культурном плане и отличную от групп, доминирующих в национальной структуре соответствующих стран, которой в той или иной степени присущи особенности [19], отражающиеся в понятиях этничности и этнической идентичности. Феномен этничности имеет объективно-субъективную природу и предполагает выделение объективных и субъективных характеристик. Тождество этничности и этнической идентичности проявляется в наличии у них трех основных блоков: когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – малочисленные народы) – народы, проживающие в районах Севера, Сибири и

Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [20].

К перечню видов традиционной хозяйственной деятельности Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ относит [20]:

- животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство) и переработку продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов;

- звероводство (разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства) и собаководство как важный элемент хозяйственной жизни (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак);

- бортничество, пчеловодство, рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел), промысловую охоту, предполагающую переработку и реализацию охотничьей продукции; собирательство, включая заготовку, переработку и реализацию пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений;

- заготовку древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд;

- земледелие (огородничество), а также разведение и переработку ценных в лекарственном отношении растений, добычу и переработку общераспространенных полезных ископаемых для собственных нужд;

- строительство национальных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности;

- художественные промыслы и народные ремесла (кузнечное и железоделательное ремесло, изготовление утвари, инвентаря, лодок, нарт, иных традиционных средств передвижения, музыкальных инструментов, берестяных изделий, чучел промысловых зверей и птиц, сувениров из меха оленей и промысловых зверей и птиц, плетение из трав и иных растений, вязание сетей, резьба по кости, резьба по дереву, пошив национальной одежды и другие виды промыслов и ремесел, связанные с обработкой меха, кожи, кости и других материалов).

Хозяйственная жизнь малых коренных народов находится на стадии присваивающей экономики и является объективным основанием для формирования этнической идентичности.

В теориях этнической идентичности признание языка необходимым ее компонентом является дискуссионным на том основании, что некоторые этнические общности не имеют собственного языка или диалекта и используют в общении язык большинства. Вопрос о включении языка или диалекта в содержание этнической идентичности не может быть решен чисто эмпирическим путем. Если нет своего языка или диалекта у некоторых этносов, это еще не значит, что язык не является важным признаком этнической идентичности. Необходимо выявить причины его отсутствия: либо его не было вообще, либо он был утрачен. Признание экзистенциального измерения языка «язык – дом бытия» [21] и его укорененности в повседневных структурах, в которых языковая и этническая общность зачастую отождествляются, дает основание рассматривать язык как значимый элемент этнической принадлежности.

На значимость, распространенность, функциональную развитость языка влияет не только уровень его структурного развития, но и соответствие особенностей структуры языка особенностям жизни языковой группы. Народы, даже очень малочисленные, сохраняющие в значительной степени традиционные формы существования (уклад семьи, трудовая деятельность, религиозные обряды, тип жилища), имеют больше шансов сохранить свой язык. Длительное проживание на одной и той же территории, в одних и тех же условиях способствует сохранению традиционного жизненного уклада, традиционных занятий. Компактное размещение носителей языка способствует сохранению языка в семейном, бытовом общении, в общественных местах. Исследователи в области лингвоэкологии отмечают компактное расселение языковой группы «в местах исконного проживания» как один из важных факторов vitality языка [22].

Функциональная и структурная развитость языка часто выражается в закреплении за ним особого официального статуса. Язык получает поддержку государства и, соответственно, дополнительные преимущества. С другой стороны, закрепление за языком особого статуса может способствовать его защите и сохранению. Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» [23] определяет родные языки коренных малочисленных народов Севера как неотъемлемую часть бытия, культуры, традиционного образа жизни, они

используются в процессе повседневного общения, в важных для них сферах общественных отношений, признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и функционируют наравне с государственным языком Российской Федерации. Как родные языки коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа выделяются ненецкий, хантыйский, селькупский. Эти языки используются в средствах массовой информации в целях их сохранения и развития, развития творчества, традиционной культуры, пропаганды защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера. На родных языках проводятся передачи на окружном и муниципальном телевидении и радио; в автономном округе выпускаются газеты и журналы, издается научно-публицистическая, художественная и учебная литература.

Основным документом, посвященным правам коренных народов, является Конвенция 169 Международной организации труда [19]. В сентябре 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию Организации Объединенных Наций о правах коренных народов [24], тем самым признав их права по широкому кругу вопросов и предоставив универсальную основу для международной общественности и государств.

Перечисленные документы рассматривают культуру, язык, традиционный уклад жизни коренных малых народов как нуждающиеся в защите и сохранении. Под влиянием комплекса социальных факторов эти народы могут утратить культуру, язык, традиции и этническую самобытность, переняв их у этнического большинства.

К этническим маркерам можно отнести такие знаковые средства, которые имеют двойственную природу: являются компонентами данной этнической культуры, т. е. устойчиво воспроизводятся в ней, передаваясь из поколения в поколение и в то же время отличают данный этнос от всех или большинства этносов; осознаются как символ принадлежности к этнической группе (как членами самой группы, так и другими) и достаточно легко и однозначно распознаются в ситуации межэтнического взаимодействия [25, с. 84–85].

Таким образом, этническими маркерами могут выступать: язык, национальные обычаи и традиции, праздники, национальный костюм,

набор имен, религиозные обряды и символы. Очень устойчив такой этнический маркер, как национальная кухня, значимый элемент повседневной культуры.

В Ямало-Ненецком АО, по данным переписи 2010 г., проживают 522 904 чел., большая часть из них – русские (31 2019 чел.), много украинцев (48 985 чел.), татар (28 509 чел.). Население округа является многонациональным. Из числа коренных малых народов Севера в округе живут ненцы (29 772 чел.), селькупы (1988 чел.), ханты (9489 чел.). Среди населения округа есть коми (5141 чел.), которые, строго говоря, не являются малым народом, так как общая их численность в России превышает 200 тыс. чел., однако по образу жизни и многим другим социальным характеристикам они близки к коренным малым народам Севера. Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» особо выделяет ненецкий, хантыйский, селькупский языки; определяет их как неотъемлемую часть бытия, культуры, традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, которые используются в процессе повседневного общения, в важных для них сферах общественных отношений, признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственным языком Российской Федерации [23].

Было опрошено 300 человек, в том числе – 98 представителей народа ханты, 185 ненцев, 12 коми, 5 селькупов. Опрос проводился как в местах компактного проживания коренных малых народов, так и в крупных населенных пунктах, где они проживают дисперсно. В местах компактного проживания опрос проводился по квотной выборке (квоты по полу и возрасту), в местах дисперсного проживания – методом «снежного кома».

Опрос проводился по анкете, включающей закрытые и открытые вопросы. Специфика исследуемой проблемы обусловила высокую долю открытых вопросов, что позволяет рассматривать методологию исследования как качественно-количественную. Первые два блока ориентированы на изучение прошлого в культуре.

Первый блок анкеты посвящен праздникам и обычаям коренных малых народов. Выявлялось знание праздников, обычаев, традиций и субъективное отношение к ним (субъективная значимость, восприятие как символа народа).

Второй блок анкеты посвящен исследованию отношения к национальной кухне – наиболее популярные блюда, деление пищи на «повседневную» и «праздничную», связь национальной кухни с различными социальными ситуациями.

Описание настоящей этнической идентичности представлено в третьем, четвертом, шестом и седьмом блоках анкеты, поскольку настоящее родом из прошлого, определяет будущее, связывает их между собой.

Третий блок анкеты нацелен на описание коммуникативных процессов, связанных с этнической культурой и ее проявлением в коллективных действиях (организация праздников, взаимосвязь с соседской и религиозной общиной, с общественными организациями).

Четвертый блок анкеты посвящен исследованию языка как этнического маркера и средства коммуникации. Вопросы касаются сфер функционирования языка (от деловой до повседневной), языковых аспектов внутрисемейного взаимодействия, доступных источников на языке родного народа, отношения к языку.

Шестой блок выявляет социальный контекст использования национального костюма.

Седьмой блок – социально-демографический. По сравнению с традиционной структурой данного блока набор вопросов несколько расширен и включает в себя, помимо вопросов о поле, возрасте, составе семьи, доходе, образовании и роде занятий, вопросы о национальной принадлежности, типе поселения, миграционных установках.

Будущее, которого еще нет, представлено пятым и восьмым блоками. Пятый блок анкеты – ценностный, включает вопросы о ценностном восприятии перспектив сохранения национальной культуры, языка, влияния глобализационных и модернизационных процессов.

Восьмой блок адресован респондентам, имеющим детей, и нацелен на выявление перспектив трансляции элементов национальных культур молодому поколению.

Как показали результаты исследования, среди традиционных национальных праздников коренных малых народов Ямало-Ненецкого автономного округа можно выделить Воронин день, День оленевода, День рыбака, Василий лун, Медвежий праздник, Ильин день – их знают все опрошенные. Особо стоит отметить Воронин день – половина опрошенных не только знают этот праздник, но и регулярно его отмечают, а также считают сим-

волом своего народа. Около трети аналогичным образом обозначают роль Дня оленевода и Медвежьего праздника. Чуть меньше (27%) выделяют День рыбака и Василий лун (можно было выбирать несколько вариантов, поэтому сумма больше 100%). Называли такие праздники, как: Кормление духа хозяина моря, День прилета птиц, Хор он, ат хатл, проводы лебедя, Лун кутап хатл, Таер яля (середина лета), Якты хот, Новый год по Северному календарю, Солнце на хорее, Первей пас и Йи мунан лун (коми-зыряне), Олан хул шитты хатл, Енк нопатты хатл (ханты).

Праздники и традиции коренных малых народов сохраняют связь с традиционными их занятиями (животноводство, охота, рыболовство, кочевой образ жизни) и образом жизни, с природными сезонными циклами. Некоторые прямо называли в качестве «национальных обычаев» охоту, рыболовство, кочевничество, оленеводство. Называемые некоторыми респондентами в качестве национальных традиций и обрядов «традиционные запреты» связаны с образом жизни народа, его моральными принципами и имеют экологическое значение. Особое отношение среди них отмечается к огню, воде, земле: «Ненецкие запреты (“хэвы”) очень строги. Детям и даже собакам нельзя рыть и как-либо повреждать землю, играть с огнем и водой (особенно бить по ней палками). Нарушение строго каралось осуждением сородичей», «Брать на охоте и на рыбалке столько, сколько нужно только для пропитания». Запрет на «повреждение земли» жизненно необходим в условиях вечной мерзлоты и воспринимается коренными малыми народами Севера именно с ценностной, моральной точки зрения. Данный запрет фактически закрывает этим народам путь в наиболее развитую и доходную сферу экономики региона – нефтедобычу. С точки зрения описанных моральных принципов, добыча полезных ископаемых – это не просто деятельность, наносящая урон экологической системе, разрушающая исконные места обитания, но деятельность аморальная.

Многие также называли и описывали обряды, связанные с жизненным циклом человека, – рождение детей, свадьба, похороны, поминальные обряды; обычаи, связанные с универсальными человеческими ценностями, культурными универсалиями, – уважение к старшим, уважение к матери и отцу, уважительные отношения в семье, гостеприимство, дружба, сохранение традиций («В любое время

суток пустить путника в чум и дать согреться чаем», «Передавать традиции и опыт молодому поколению», «Навестать семейное кладбище», «Встретаться с друзьями»). Заметен характерный для традиционного общества акцент на авторитете старшего поколения («Родители и родственники старшего поколения, оставшиеся одни, остаются всегда на попечении сыновей», «Не перебивать, не пререкаться со старшими по возрасту, если даже они не правы»).

Можно отметить синтетический характер культуры коренных малых народов Севера, обусловленный культурными связями с другими народами – с одной стороны, и древними обычаями – с другой. В качестве национальных традиций и обычаев называют православные традиции и праздники (Пасха, Благовещение, Ильин день, Троица, в некоторых случаях получающие специфическую национальную окраску («Подготовка (пост) и встреча Ыджыд лун (Пасхи) с куличом и крашеными яйцами», «Стараюсь в религиозные праздники не делать грязную работу, потому что могу получить замечание от представителей извѣтас»). Называют очень много языческих обычаев – поклонение священному дереву, духам огня, воды, воздуха, жертвоприношения этим духам, очищение огнем, пение шамана, «вертикальная картина мира».

Важной социальной функцией национальных праздников является консолидирующая. Праздник – время общения, объединения, он способствует повышению солидарности не только конкретного этноса, но общества в целом. Консолидирующее значение национальных праздников подтверждается тем, что около четверти опрошенных назвали «национальными праздниками» относительно новые и не имеющие конкретной этнической окраски дни – День коренных малых народов Севера и Этнофорум.

Организуют массовые праздники чаще всего общественные организации (50%), местные органы власти (37%), «сами люди» (33%), религиозные организации (7%). Основные источники информации о праздниках и традициях – семейное и другое повседневное общение «от родителей» – 95%, «от друзей» – 20%, «не помню, всегда знал» – 23%. Как источники информации о национальных традициях упоминают СМИ и интернет (по 20%).

Коренные малые народы Севера сохраняют национальную кухню, воспринимают ее как важную часть своего образа жизни и как

национальную традицию (в числе национальных традиций некоторые отмечали «приготовление национальных блюд», «употребление сырой рыбы и мяса»). Практически все (90%) регулярно едят строганину, блюда из оленины, прочие мясные блюда, уху и другие рыбные блюда, ягоды/ягодные напитки/ягодные варенья, 5% питаются исключительно национальной кухней и еще 5% употребляют блюда национальной кухни часто, сочетая их с другими. Используется много животной пищи – мясо и субпродукты, рыба, рыбий жир. Растительная пища упоминается несколько реже – ягоды, традиционная выпечка (например, пирог с голубикой), мучной суп. Многие национальные блюда упоминаются и как праздничные, и как повседневные – оладьи с кровью, няр нехи, няр хул, ненецкий мучной суп, топленый оленин жир. Как праздничные блюда выделяют малосол, икру, жаркое, морошку с сахаром, выпечку, шумух, холодец, язык. Все опрошенные считают национальную кухню полезной для здоровья.

Языковое поведение и языковая самоидентификация коренных малых народов Севера несколько расходятся. Большинство (87%) назвали язык своего народа родным или вторым родным языком (еще 10%). Они воспринимают язык как родной, потому что это язык их народа (50%), язык отца (40%), матери (36%). Лишь 16% считают, что знают этот язык лучше, чем какой-либо другой, 10% отмечают, что этот язык преимущественно используется в их населенном пункте. Показательны ответы на открытый вопрос: «Почему Вы считаете язык родным?» – «Я считаю, что неплохо говорю на нем», «Хочу, чтобы мой язык жил». Практически во всех сферах общения соседствуют русский и национальный язык, но в разных соотношениях. В семейном общении, особенно при взаимодействии со старшими родственниками, у 53% используются оба языка, при этом у 28% национальный язык преобладает при общении со старшими родственниками, у 18% преобладает во внутрисемейном общении в целом, но таких семей, в которых использовался бы исключительно национальный язык, нет. Заметно чаще используется русский язык во внешних контактах – лишь 19% отметили, что говорят на нем на работе, на учебе – два языка, остальные общаются преимущественно (15%) или исключительно (66%) на русском. Аналогичным образом используются языки в повседневных внешних контактах (общение с соседями, «в

магазине, на улице») – 17% используют два языка, 14% говорят преимущественно по-русски, остальные 69% – только по-русски. Можно говорить о сужении сферы функционирования национального языка при сохраняющемся отношении к нему как к родному, как к символу этноса. Лишь отчасти могут поддержать функционирование языка письменные источники. Почти половина опрошенных (48%) читают СМИ на родном языке, 40% читают интернет-источники, 36% – книги, меньше трети (28%) респондентов ничего не читают.

Довольно устойчив такой элемент национальной культуры, как национальный костюм. Пятая часть участников опроса носят национальный костюм всегда, 50% – в качестве праздничной одежды, еще 18% используют в качестве праздничной одежды отдельные элементы национального костюма, по 6% носят национальный костюм в определенный сезон или на работе.

Этническая культура, традиции, обычаи и ценности воспринимаются коренными малыми народами Севера как нечто значимое, нуждающееся в защите и сохранении. Подавляющее большинство (87%) согласны с утверждением, что «национальные традиции – это важнейший элемент культуры нашего народа», чуть меньше (80%) – что «сохранение национальной культуры – одна из важнейших задач нашего народа», почти все (95%) гордятся своей национальной культурой. Больше половины респондентов согласны с тем, что этническая культура – это способ связи с другими поколениями народа, старшими (68%) и молодыми (53%). Неприятие, несогласие у большинства вызывают суждения: «Национальные традиции – это анахронизм, им место в музее» (83%), «Национальная культура и традиции – это просто экзотика и приманка для туристов» (79%), «Я бы не хотел, чтобы мои дети слишком глубоко проникались национальной культурой» (84%). Обращает на себя внимание то, что выбираются в основном крайние суждения (совершенно согласен и совершенно не согласен), т. е. отношение к национальной культуре осознанное, выраженное. Противоречия вызвали только два суждения – «Глобализация через какое-то время уничтожит национальные культуры, и в этом нет никакой трагедии» (72% выбрали среднюю позицию между согласием и несогласием, так как, видимо, затрудняются с прогнозом ситуации), а также «Лучше потратить время на изучение английского языка, чем нашего

национального». Здесь мнения разделились: 65% выражают ту или иную степень согласия, 20% не согласились ни с одним суждением, остальные затруднились с ответом.

Готовы они и прилагать усилия для сохранения национальной культуры, передачи ее детям. Самый популярный способ приобщения детей к национальной культуре – национальная кухня (79%), на втором месте – родной язык (75% стараются разговаривать с детьми на нем), далее следуют национальные праздники (63%), национальные сказки и национальный костюм (по 59%), национальные песни (51%).

Подводя итоги наших исследований, отметим, что большинство респондентов гордятся своей культурой, которая воспринимается коренными малыми народами Севера как нечто значимое, но в то же время нуждающееся в защите и сохранении, что свидетельствует о разумном отношении к прошлому и отчетливо-му осознанию того, что оно может быть утрачено. Пока угроза исчезновения собственной этнической культуры осознается, есть надежда на ее сохранение.

Сужение сферы функционирования национального языка при сохраняющемся отношении к нему как к родному, как к символу этноса является реальным проявлением существующей угрозы, поскольку функционирование языка характеризует настоящее культуры.

Неопределенность будущего представлена противоречивым отношением к глобализации и возможности замены родного языка английским. Сохранение национальной культуры в будущем считается реальным на уровне структур повседневности. Большинство коренных малых народов готово прилагать усилия для сохранения этнической идентичности на любом уровне.

Выдвинутая гипотеза о наиболее реальных угрозах этнической идентичности со стороны глобализационных процессов подтвердилась, но требует уточнения. Влияние глобализации на этническую идентичность является опосредованным, буфером между ними выступает доминирующая национальная культура.

Список литературы

1. Герандоков М. Х. Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2 (28). С. 28–35.
2. Hannerz U. Notes on the Global Ecumene // Public Culture. 1989. Vol. 1, iss. 2. P. 66–75. <https://doi.org/10.1215/08992363-1-2-66>
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
4. De Vos G. A. Ethnic pluralism: Conflict and accommodation: The role of ethnicity in social history // Ethnic identity: Creation, conflict, and accommodation / ed. by G. A. De Vos, L. Romanucci-Ross. AltaMira Press, 1995. P. 15–47.
5. Соловьев В. С. Тайна прогресса // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М. : Правда, 1989. 738 с. (Из истории отечественной философской мысли).
6. Пономарева Е. Г., Рябинин Е. В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель – Observer. 2015. № 12 (311). С. 38–51.
7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Маканова А. Ж. Этническая идентичность как элемент формирования этнического сознания // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 78–86.
9. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб. : Алетейя, 1996. 376 с.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2000. 320 с.
12. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Восточная литература, 1996. С. 6–73.
13. Van den Berghe P. L. Race and Ethnicity: A sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1. P. 401–411. <https://doi.org/10.1080/01419870.1978>
14. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Гл. 2. Двойное дно этничности. СПб. : Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.
15. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987. 333 с.
16. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис, 1994. 544 с.
17. Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен : PHREN, 2000. С. 74–98
18. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.

19. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения. 03.04.2023).
20. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 20.10.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с.
22. Гюльмагомедов А. Г. Некоторые вопросы теории и практики двуязычия, многоязычия и диглоссии // Наследие как система ценностей: язык, культура, история : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала : Ин-т языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадаасы ДНЦ РАН, 2007. С. 510–527.
23. О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа : закон Ямало-Ненецкого АО от 05.04.2010 № 48-3АО. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=163009230&backlink=1&nd=163010266&rdk> (дата обращения. 03.04.2023).
24. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения. 03.04.2023).
25. Кутявина Е. Е. Двуязычие в межэтническом взаимодействии (социологический аспект) : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 1999. 158 с.

Поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 29.11.2023